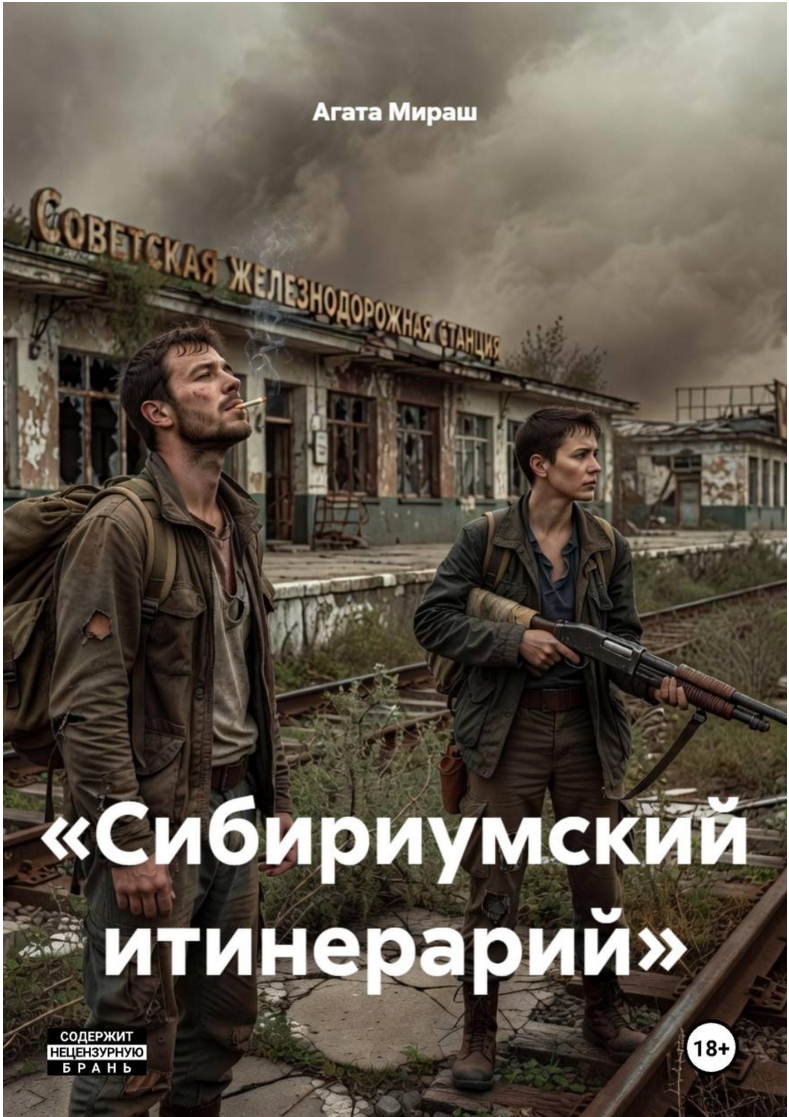

Агата Мираш
Советская железнодорожная станция
«Сибириумский итинерарий»
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Агата Мираш
«Сибириумский итинерарий»

https://litres.ru/74716917
SelfPub; 2026

Аннотация

Пока страна прячется по бункерам от вируса, у которого нет вакцины, Марк Заречный и его напарница Инга получают задание отправиться в командировку на мёртвую станцию «Тайга-Сортировочная» — туда, откуда месяц назад бесследно ушёл состав с бесценной сывороткой. Но у Инги есть кое-что получше служебной инструкции: старый отцовский дневник...

«Сибириумский итинерарий» — это мрачная антиутопия о фантазиях человеческого сознания, которые способны привести к непоправимым последствиям.

Агата Мираш «Сибириумский итинерарий»

«Сибириумский итинерарий»

Часть 1

Станция Тайга-Сортировочная. Город Пыть-Ях. 30 сентября 2046 года.

Сквозь многочисленные шумы и помехи из радио доносились последние новости:

«Внимание! Экстренные новости! За последние сутки в ПБП (пунктах безопасного пребывания) скончалось около тысячи человек от многочисленных ранений и заражения вирусом, от которого на данный момент еще не найдена вакцина. Ученые-медики заверяют, что в скором времени решение будет найдено. Мы постоянно следим за развитием событий! Пожалуйста, оставайтесь на связи теле- и радиостанций, чтобы быть в курсе последних вестей. Также напоминаем, что в связи с красной полосой ЧС по всей стране каждый гражданин обязан пребывать в зоне подвалов или бункеров и ни при каких обстоятельствах до должного приказа от вышестоящего руководства не покидать пределов относительно безопасных зон!»

Дослушав тревожное вещание дикторши, Марк Заречный

резко отключил радиоприемник и закурил сигарету…

— М-да… Командировка мечты, ё-моё… — прокряхтел парень, уставившись в пустоту.

Он вместе со своей напарницей — по стечению обстоятельств, Ингой Раевской — сидел под обшарпанной аркой станции Тайга-Сортировочная, которая совсем недавно являлась узлом, связывавшим между собой сразу несколько маршрутов, ибо поставляла ценные ресурсы во многие части России. Теперь же кругом царило безлюдье, ни души. Здания были теми же, даже не разрушенными, но отсутствие мирской суеты и вечного движения поездов даровало лишь ощущение пугающей антиутопии.

Северный ветер привычно разгуливал вдоль путей, швыряя в лицо мелкую ледяную крошку, будто пытаясь полностью стереть с лица земли исчезающие следы прежней жизни: опустевшие вагоны, колючую проволоку вдалеке, фонари на солнечных батареях да редкие прожекторы, что обычно выхватывали из темноты силуэты часовых.

Над путями висел тяжелый запах гари, сырости и металла — одновременно знакомый русскому нюху, но такой непривычный дух нового мира, в коем выживали только те, кто умел пресмыкаться перед командованием начальников.

Марк совершил финальную, тяжелую затяжку — огонёк сигареты на миг осветил его изможденное, небритое лицо и шрам на щеке. Инга же методично, палец за пальцем, протирала спиртовой салфеткой оптический прицел своей винтов-

ки. Руки её слегка дрожали как от усталости, так и от страха перед неизвестным будущим.

— Инга, — тихо позвал ее Марк, выпуская струю сизого дыма, которая тут же рассеялась в воздухе. — Твой отец ведь работал в Сургутском НИИ, когда «Сибириум» только начали закладывать в логистические карты?

Она обомлела от услышанного, а салфетка в ее руке зацепилась за металлический выступ оружия.

— К чему ты это вспомнил?

— Ты чем слушала дикторшу в радио? Задницей? — устало спросил мужчина.

— Исключительно душой и правым полушарием мозга, — с удрученным сарказмом ответила девушка, посмотрев на парня с претензией.

— Объявили про «раненых и зараженных». Не «больных», Инга. Раненых. Делаем вывод, что вирус не просто косит людей пачками, а заставляет их рвать друг друга на куски. И этот узел, — Марк обвел рукой пустые рельсы, — Тайга-Сортировочная, был последней точкой, откуда ушёл состав с сывороткой-прототипом. Так почему нас отправили сюда без химзащиты, просто как «сопровождение груза», которого здесь нет уже почти месяц?

Вместо ответа Инга залезла во внутренний карман своего рюкзака и, недолго покопавшись в нем, достала толстый блокнот в старом кожаном переплете. На обложке тускнело тиснение: «Сибириумский итинерарий. Том III».

Марк заинтересованно нахмурился.

Итинерариями в древности называли путеводители с указанием расстояний между станциями, но какое отношение это слово имело к современному понятию железных дорог, он не имел ни малейшего понятия.

— Дневник отца, — заинтригованно сказала она, перелистывая страницу за страницей, покрытые убористым почерком и странными схемами железнодорожных путей, которые не совпадали ни с одной из официальных карт РЖД РФ. — Какая же я глупая… — вдруг вырвалось у девушки. — Состав не пропал, Марк. Его заперли здесь, на нулевом подземном пути, прямо под нашими ногами! Господи! — с ошеломительным ликованием произнесла Инга, словно познала тайны мироздания.

Лаборантка указала пальцем на обшарпанный бетонный пол арки. Её коллега присмотрелся и заметил под слоем многолетней грязи и мазута стыки тяжелых гермозатворов.

— Вакцины не существует, — глухо произнесла она, погрузив товарища в пугающее смятение. — «Сибириум» — это не вирус, а био-логистический маркер.

— Чего?! — изумленно сдвинул брови Марк.

— Программа очистки территорий, — попыталась пояснить девушка. — Папа был одним из тех, кто, в своё время, пустил это дело в ход. Состав внизу везёт триггер для фазы «омега».

— Нихрена не понял, но очень интересно… — безэмоци-

онально выдал парень, качая головой.

Вдруг будто бы из недр земли раздался тяжелый, скрежещущий гул. Железные плиты пола едва заметно завибрировали, а фонари на солнечных батареях, до того уныло мигавшие жёлтым, одновременно вспыхнули багровыми красками, как в момент привлекающего глаз заката.

Из динамика радиоприемника снова раздался звук. Но это был не привычный уху голос диктора. Сквозь яростный треск помех прорвался монотонный, механический голос, трижды повторивший одну и ту же информацию:

«Поезд 044. Маршрут: Тайга — Чрево. Регистрация пассажиров завершена. Пожалуйста, ожидайте протокол дезинфекции...»

Марк отпрянул, выронив ещё одну недокуренную сигарету.

— Какого хера?! Радио же отключено!

Но его спутница отвлеклась от разговора, будто заворожённая встав у края платформы. Она собственными глазами видела, как из вентиляционной шахты неподалеку густыми клубами начал валить тяжёлый пар сиреневого оттенка с приторно-сладким запахом миндаля.

— Знаешь, почему нас отправили вдвоём, Марк? — повернувшись к товарищу, спросила Инга, уже зная ответ.

В свете красных прожекторов её зрачки казались неестественно расширенными, а по венам на шее медленно разливалась заметная чёрная сеточка.

— Инга? — насторожился парень, нервно осматривая пространство.

— «Итинерарий» требует иных проводников.

Марк отпрянул назад, а его рука инстинктивно легла на кобуру пистолета.

— Ты тоже слышишь это? — прошептала она, делая шаг навстречу.

Снизу, из-под гермозатворов, сквозь гул запускающихся поршней и турбин донёсся устрашающий ор: десятки человеческих рук, яростно бьющих по металлу изнутри запертых вагонов, вырывались на поверхность. И среди того безумного подземного гула Марк вдруг отчётливо услышал, как его собственное имя хором из сотен охрипших голосов звал кто-то... или что-то прямиком из недр станции.

Гермозатвор под его ногами с оглушительным шипением начал шататься, как во время шторма, открывая взору напуганного парня абсолютную, дышащую жаром темноту.

Марк выхватил пистолет, взвёл курок и навёл дуло на Ингу. Она не шелохнулась. Сирена над станцией взвыла на ультразвуковой частоте, заглушая мысли и несказанные слова. Палец Марка Заречного нерешительно задрожал на спусковом крючке. Ему нужно было принять решение за долю секунды, но в тот миг рация, покоившаяся всё это время на его плече, внезапно ожила и заговорила… его собственным голосом:

— Марк, если ты это слышишь… не стреляй в неё. Ты уже

познал прелести «Чрева».

Звук собственного голоса парализовал молодого учёного. Через мгновение почерневшие пальцы словно загипнотизированной девушки мёртвой хваткой вцепились в его запястье. Сила, с которой она потянула его на себя, была неестественной, будто бы и вовсе нечеловеческой.

Тяжёлые гермозатворы с грохотом разошлись до упора, и прямо из дышащей жаром бездны выкатился состав. Мрачные, лишённые окон вагоны были покрыты слоем инея, а на их бортах тускло светились незнакомые символы вместо привычных глазу логотипов РЖД.

Двери ближайшего вагона с шипением распахнулись, выпуская наружу облако ледяного газа, а из темноты тамбура звенящая пустота манила к себе.

— Пойдёшь со мной? — прошептала Инга, намереваясь уйти.

Чернота в её глазах теперь полностью поглотила белки, однако выражение лица демонстрировало абсолютное умиротворение.

Сотни охрипших голосов из-под земли, ещё секунду назад звавшие Марка по имени, одновременно умолкли, будто по приказу. Попав под воздействие неизвестного вещества, парень послушно опустил оружие, а секундой позже пистолет с суховатым стуком упал на бетонный пол. Ноги отреклись от желаний мозга, подчиняясь ритмичному, едва слышному стуку невидимого метронома внутри искривлённого созна-

ния.

Оба вошли внутрь. Двери вагона с тяжёлым металлическим лязгом захлопнулись за их спинами, отсекая ледяной ветер Пыть-Яха и алые отсветы аварийных прожекторов.

Состав, как по команде, вздрогнул и резко, без разгона, ухнул куда-то вниз, в кромешную тьму нулевого пути. В полной темноте запертого вагона Марк Заречный нащупал на плече рацию и нажал на кнопку передачи. Сквозь помехи он произнёс фразу, которую до того уже слышал от самого себя. Но кому именно он её адресовал — тому, кто остался наверху, или тому, кто ждал их на конечной станции «Чрево», — так и осталось загадкой в тишине уходящего в бездну поезда.

Часть 2

Темнота обрела свой абсолют.

Тогда под ногами ощущалась лишь твёрдая поверхность. Холодная, слегка пружинящая, подобно застывшему воску.

— Инга? — позвал её Марк, обеспокоенно меча глазами по пространству в поисках хотя бы единого намёка на свет.

Ответа не поступило. Заречный смело вытянул руку и наткнулся на что-то липкое. Пальцы обожгло холодом, а затем — неприятным покалыванием, словно он коснулся оголённого провода.

Нежданно вспыхнул свет.

Аварийные лампы под потолком загорелись одна за другой, заливая пространство болезненно-жёлтым сиянием. Марк раздражённо зажмурился, а когда вновь открыл глаза,

то на секунду тысячу раз пожалел о том, что оказался в этом месте…

Вагон был живым.

Стены покрывала сероватая биоплёнка с пульсирующими прожилками. Пол под ногами периодически вздымался и опадал, как грудь спящего зверя. По нему тянулись толстые, канатообразные жилы, переплетавшиеся друг с другом в узоры, отдалённо напоминавшие глазу железнодорожные пути. В воздухе стоял приторно-сладкий запах миндаля, настолько густой, что Марка неконтролируемо замутило.

— Господи, — выдохнул он, прижимая ладонь к лицу. — Что это за ерунда?

— Вагон-инкубатор, — раздался нежданный голос Инги.

Девушка стояла в двух шагах от него, устало прислонившись к стене, а точнее — к её подобию, к биоплёнке, которая, казалось, обволакивала её плечо, как заботливая рука. Инга Раевская была бледна, но на ногах держалась уверенно. На шее всё ещё проступала чёрная сетка из вен, но больше не расползалась. Быть может, это был временный эффект застоя?

— Ты как? — Марк встревоженно шагнул к ней, но та остановила его жестом руки.

— Нормально. Насколько это слово вообще применимо в данном контексте, — она слабо улыбнулась. — Не подходи слишком близко. Я пока не уверена, где заканчивается моя личность и начинается эта… субстанция.

Марк испуганно сглотнул. Ему хотелось спросить, что она чувствовала, но вместо этого с заинтригованным ужасом обвёл взглядом вагон. В дальнем его конце, за рядом десятка кресел, которые выглядели как обрубки каких-то органических форм, виднелся проход в соседний отсек. Оттуда доносились странные звуки…

Сначала молодой парень подумал, что это был ветер. Но никаких порывов в закрытом пространстве быть не могло.

Звук был ритмичным, глухим, будто кто-то или что-то билось о стену с выверенной чёткой ритмичностью. И вдруг Марк Заречный услышал голос — хриплый, прерывающийся, повторяющий одну и ту же фразу:

— Откройте… Я не заражён… Пожалуйста, откройте…

Марк машинально потянулся к кобуре, но пистолет остался на бетонном полу станции. Он выругался сквозь зубы.

— Нам нужно пройти через соседний отсек, — сказала Инга, отлепляясь от стены. Биоплёнка неохотно отпустила её плечо, оставив на куртке влажный след. — Выход в конце вагона. Я чувствую.

— Чувствуешь? — переспросил Марк, но она уже шла вперёд, ступая по пульсирующим жилам так уверенно, будто ходила по ним всю жизнь.

— А ты больше ничего не чувствуешь? — поравнявшись с девушкой, нервно спросил её парень.

— Например? — не оборачиваясь, спокойно спросила подруга.

— Ага… То есть всё происходящее для тебя является комфортным местопребыванием?

Инга Раевская не стала комментировать его претензию, осадив парня осуждающим взглядом.

Несмотря на словесные возмущения, молодой учёный последовал за коллегой.

В соседнем отсеке было явно теснее. Кресла были сломаны, а биоплёнка на стенах — толще и темнее; вдобавок ко всему прочему она имела более тёмные сгустки жижи внутри. И людей там было больше.

Одного Марк заприметил сразу же: мужчина в остатках формы проводника сидел на полу, будто насильно привалившись спиной к стене. Его глаза были широко открыты, но смотрели в никуда, а изо рта у него текла тонкая струйка слюны, смешанной с чёрной желчью. Он ритмично бился затылком о стену и шептал, словно мантру:

— Я не заражён… Я не заражён… Я не заражён…

Чуть дальше, в углу, поджав ноги и обхватив колени руками, сидела женщина. Её лицо выражало удовлетворённое спокойствие — точно такое же, как у Инги в тот момент, когда она спросила Марка: «Пойдёт ли он за ней?» Неизвестная женщина медленно покачивалась из стороны в сторону, а на её губах играла лёгкая улыбка азарта. Чёрная сетка также покрывала её шею и поднималась к подбородку, но сама она, казалось, не замечала этого или не хотела замечать…

— Не смотри на неё, — тихо сказала Инга. — Она не опас-

на, если её не трогать.

— А он? — Марк кивнул на мужчину-проводника.

— Он в агонии. Переходная фаза. Может быть опасен.

Словно услышав её слова, тот мужчина вдруг перестал биться о стену. Его глаза яростно сфокусировались на Заречном.

— Ты! — прохрипел он, тыча в Марка дрожащим пальцем. — Ты был там, сукин сын! На комиссии! Ты подписался!

Марк испуганно застыл на месте.

— Я не…

— Мра-азь!!! — Одетый в форму проводника мужчина резво дёрнулся вперёд, но его ноги запутались в жилах на полу. Тот с грохотом упал, впечатавшись лицом вниз, но продолжал тянуться к Марку, скребя ногтями по биоплёнке. — Ты сказал, что я «не соответствующий критериям»!

Инга тотчас быстро схватила Марка за руку и потащила вперёд.

— Не слушай. Он бредит.

Они почти дошли до конца отсека, когда томившийся в агонии мужчина снова закричал им вслед:

— Не ходите туда! Вы не выйдете!

Заречный обернулся. Мужчина стоял на коленях, раскачиваясь, и слёзы текли по его лицу, смешиваясь с чёрной желчью.

— Пожалуйста, — прошептал он. — Не ходите.

Инга дёрнула Марка за рукав.

— Идём же!

В конце отсека был люк. Тяжёлый, как и любой другой герметично закупоренный, с колесом затвора, а рядом на стене проступала светящаяся схема.

Марк подошёл ближе. Линии на схеме выглядели тонкими, подобно паучьей паутине, и, казалось, хаотично перестраивались, складываясь в слова:

«Сибириумский итинерарий. Станция сортировки. ПБП-17».

— Это то же самое, что в блокноте, — будто не доверяя даже собственным догадкам, прошептал Марк в пустоту.

Инга склонилась рядом и в одночасье снова почувствовала аромат миндаля…

— Итинерарий решает, куда тебе идти дальше. Выход отсюда — не выход. Это следующий этап сортировки.

— Сортировки кого?

Она взглянула на него. Заметно для Марка, её зрачки снова потемнели до черноты, а секундой позже обрели свою естественную форму.

— Тех, кто заслужил забыть, — пояснила Инга. — И тех, кто заслужил помнить.

Она повернула колесо затвора. Люк открылся с шипением, выпуская облако холодного пара. За ним был туннель — бетонный, тускло освещённый аварийными лампами. На полу, прямо перед входом, кто-то нарисовал стрелку — то ли

краской, то ли кровью: «ПБП-17».

Поезд вздрогнул и вскоре остановился.

Марк шагнул в туннель, и в тот момент рация на его плече ожила. Сквозь треск помех прорвался голос… его собственный голос:

— Ты уже был здесь.

Марк недоумевающе застыл.

— Что? — Инга обернулась к нему. — Что ты сказал?

— Это не я, — медленно произнёс он, глядя на рацию.

Девушка подошла ближе к товарищу, и они оба уставились на маленький чёрный аппарат, который продолжал шипеть и барахлить, подобно змее.

— Ты уже был здесь, — повторил голос. — Ты просто не помнишь.

Инга недоверчиво подняла глаза на парня.

— Марк, — сказала она очень тихо, — что ты сделал?

Он не ответил, прокручивая в голове воспоминания, которых не было. Но в тот миг он испытал неподкупный страх, понимая, что его собственное сознание не слушалось команд мозга…

Часть 3

Туннель вязко тянулся куда-то вперёд, изгибаясь и всё больше углубляясь вниз. Аварийные лампы становились тусклее, и через каждые десять метров одна из них истерично мигала, грозя погаснуть навсегда. Воздух казался спёртым, с примесью свойственной подземным помещениям

ржавчины и сырости, но хотя бы без того слащавого аромата миндаля, от которого в момент ЧС по всей России следовало ожидать не вкусного кофе или десертов, а совсем иных последствий.

Марк Заречный, как истинный джентльмен, ступал по неизведанной тропе первым, стараясь не углубляться в думы о том, что ранее слышал из собственной рации и от коллеги. Инга держалась на шаг позади, но парень ощущал её пронзающий спину тяжёлый взгляд, будто бы девушка видела его впервые и считала своим недругом.

— Ты собираешься мне рассказать? — начала она новый диалог.

— Что рассказать? — отозвался он, не оборачиваясь.

— Что значит «ты уже был здесь»?

— Откуда мне об этом знать? — Он остановился и повернулся к ней с возмущённым взглядом, продолжив: — Слушай, я, как и ты, ни хрена не понимаю. До станции я помню только то, что меня отправили с сопровождением груза. Дальше — как отрезало. А теперь какой-то голос из рации говорит, что я уже был здесь. И этот мужик в вагоне сказал то же самое. Может, ты мне объяснишь, что происходит? Сама то ведёшь себя не менее странно… — в форме претензии завершил он, продолжая настороженно осматривать окрестности замкнутого пространства.

Инга злопамятно смолчала, но в глазах её — и Марк был готов в том поклясться — мелькнул животный страх.

— Я не знаю всего, что могла бы, — наконец выдала она, удручённо вздохнув.

Указательная стрелка на бетоне вывела их к тяжёлой стальной двери, на которой была наспех приваренная табличка: «ПБП 17. Вход ТОЛЬКО по пропускам. Санитарный контроль обязателен».

Марк, перекинувшись согласованным взором с коллегой, уверенно постучался. Через несколько секунд в двери открылось маленькое окошко, в котором показались усталые, с красными прожилками глаза.

— Кто такие? — прохрипел голос по ту сторону подземного пространства.

— Выжившие, — уверенно заявила Инга, выйдя вперёд. — С поверхности, из Пыть-Яха.

— Новости не слушаете? Придумали бы что-нибудь пооригинальнее, раз так сильно хотите выжить… Весь этот город мёртв уж как три дня, — грозно отрезал голос.

— Не совсем, как видите, — сухо ответил тому Заречный, который с каждой секундой желал выкурить хотя бы одну сигарету, ибо тот день являлся самым страшным в его жизни.

Окошко молчаливо захлопнулось. Марк и Инга переглянулись. Где-то в глубине бункера мгновением позже послышался звон ключей и лязг засова. Вскоре дверь неспешно отворилась.

Им открыл широкоплечий мужчина в армейском бушлате, поверх которого был натянут самодельный химзащитный

костюм из прорезиненной ткани. В руках незнакомец держал явно тяжёлый и заряженный дробовик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.